

включила в свод-антологию также схематичные пересказы сказочных повествований из рукописных сборников 40-х годов XIX в. (например, № 56, АТ 302; № 81, АТ 517). Освещая во вступительной статье исторические взаимосвязи словацких и иных национальных сказок, В. Гашпарикова отметила, что знаменитая сказка «О двенадцати месяцах», впервые опубликованная в сборнике Б. Немцовой «Словацкие сказки и повести» в 1857 г. (т. 1) и не встречающаяся в известном чешском фольклорном материале XIX в., бытовала у чехов много веков назад. Об этом есть упоминание в сочинении чешского астролога начала XIV в. Кларета. Примечательны и другие сообщаемые ею сведения о радикальных изменениях в народном сказочном репертуаре. Например, о том, что популярнейшие у других славянских народов сказки типа «Три царства» (АТ 301) и «Юный силач» (АТ 650 А) не записывались собирателями в словацкой народной среде до XX в.

Об изменениях сюжетного репертуара, жанровой структуры и стиля волшебных сказок под влиянием нового времени наряду со вступительной статьей отчетливое представление дает и опубликованный в хронологической последовательности фольклорный материал.

Стилистическая форма словацких сказок прежде изучалась недостаточно, ее самобытность и многообразие недооценивались. В. Гашпарикова во Введении классифицировала замечательное богатство традиционных словацких сказочных формул, творчески варьируемых рассказчиками. Сделанные ею наблюдения получают подтверждение в текстах сказок рецензируемого издания.

Итак, сводный сборник «Zlatá podkova, zlaté pero, zlatý vlas» представляет значительный научный интерес, особенно для фольклористов-славистов. Неточности в его справочном аппарате можно легко исправить во втором издании, которое, вероятно, потребуется. Целесообразно было бы издание этого сборника и в переводе на русский язык.

Л. Г. Битва

НАРОДЫ АФРИКИ

Г. С. Киселев. Доколониальная Африка. Формирование классового общества (состояние проблемы и перспективы ее разработки). М.: Наука. 1985. 150 с.

Монография Г. С. Киселева посвящена одному из краеугольных вопросов всей исторической науки — проблеме формирования классового общества. Автор поставил перед собой чрезвычайно сложную, но благородную задачу критически обобщить исследования, проведенные советскими африканистами за последние 30 лет, и выделить среди них доминирующие концепции относительно особенностей классов и политогенеза и формационной принадлежности наиболее развитых доколониальных обществ Тропической Африки.

Начав разрабатывать эту проблему еще в своей предыдущей книге¹, Г. С. Киселев успешно завершил дело в рецензируемой монографии. Говоря о значительных успехах, достигнутых отечественной исторической наукой в изучении истории народов Африканского континента, автор во Введении отмечает крайнее разнообразие и нередко противоречивость появившихся на нынешнем этапе концепций развития доколониальной Африки. Поэтому, полагает он, «явно настала пора яснее осмыслить те проблемы, которые порождают разные точки зрения, дискуссии, а иногда и просто непонимание взглядов других исследователей» (с. 5).

Речь здесь прежде всего идет о применении формационной теории к африканскому материалу, а также о попытке разрешить спор о конкретных формах перехода от первичной, первобытнообщинной формации ко вторичной — антагонистической — в условиях Африки.

Поиски автора идут в трех направлениях, которым соответствуют и три главы, составляющие основу книги: «Теоретическое изучение доколониальных обществ Тропической Африки в советской африканистике» (гл. 1), «Земледельческая община: тип производительных сил, отношения присвоения и генезис эксплуатации» (гл. 2) и «Проблема формационной принадлежности доколониальных обществ Тропической Африки» (гл. 3).

Г. С. Киселев совершенно верно отмечает, что проблематика классов- и политогенеза и формационной принадлежности доколониальных обществ континента всегда была основной в отечественной африканистике с самого момента ее зарождения (с. 15). Ее патриархи — И. И. Потехин, Д. А. Ольдерогге, Р. С. Смирнов — настойчиво подчеркивали специфику исторического развития народов Африки, породившую «как-то, еще не совсем ясные своеобразные формы перехода от доклассового общества к классовому»².

То, что европейские стереотипы и система оценок не вполне подходят к характеристике африканских и других восточных обществ, становилось все очевиднее по мере

¹ Киселев Г. С. Хауса. Очерки этнической, социальной и политической истории (до XIX столетия). М., 1981. С. 85—91.

² Потехин И. И. Земельные отношения в странах Африки//Народы Азии и Африки. 1962. № 3. С. 24.

того, как советские африканисты углублялись в африканский материал. Тщательный анализ доступного материала позволил отечественным ученым прийти к единодушному мнению о том, что нигде в Тропической Африке не сложилась рабовладельческая формация (с. 15). Однако обогащение источниковедческой базы и расширение региональных исследований стало причиной еще больших расхождений в подходах и концепциях исследователей. И здесь нет парадокса. Ведь общества Западной, Восточной, Центральной и Южной Африки в рассматриваемый период были чрезвычайно пестры в своем стадийно-историческом своеобразии и находились на различных социально-экономических уровнях. И «подгонять их под одну планку» было бы бесперспективно, особенно упуская из виду главные постулаты марксистской философии, являющиеся методологической основой формационного подхода,— примат материального производства в развитии общества. В пылу теоретических споров о временной асинхронности процессов полито- и классогенеза, о том, какими путями шел процесс выделения элитарного управленческого слоя в таких обществах, участники дискуссии уходили от главного. И это прекрасно заметил Г. С. Киселев, который считает, что возникшие противоречия в концепции «порождены именно изначально присущей ей недооценкой роли экономического процесса в широком смысле в генезисе вторичной формации. Различные точки зрения... не вносят ясности в вопрос о формационной принадлежности обществ доколониальной Тропической Африки именно потому, что изучение эпохи, в которую складывались ранние государства, ограничивается исследованием политогенеза». Такое ограничение «объективно ведет к тому, что изучение этих обществ ..как бы „выпадает“ из сферы проблем формационной теории» (с. 24). Разногласия среди исследователей по поводу характеристики уровня развития африканских народов на доколониальной стадии протекает, в частности, еще и от того, что в стремлении непременно пересмотреть концепции 20-летней давности некоторые африканисты оперируют довольно расплывчатым понятийным аппаратом, лишенным точных критериев.

В то же время некоторые исследователи (Л. Е. Куббель, Ю. М. Кобищанов, В. Н. Маглыш) высказывают вполне определенное мнение о формационной принадлежности доколониальных обществ континента, а именно об их феодальной, точнее — раннефеодальной природе. Однако и их выводы не лишены уязвимости. Аргументация относительно феодального характера государственных объединений Африки той поры часто оказывается спорной. Как подчеркивает Г. С. Киселев, в системе взглядов этих авторов остается неразработанным вопрос об экономическом содержании эксплуатации свободных общин (Л. Е. Куббель), завышается уровень общественного (формационного) развития африканских обществ (В. Н. Маглыш), недостаточно убедительно обосновывается правомерность употребления понятия «рентная форма разделения труда» и не полностью вскрывается экономическое содержание отношений эксплуатации, складывающихся при отсутствии земельной собственности в условиях **нерасчлененности распоряжения людьми и землей** в рамках общины (Ю. М. Кобищанов) (с. 26—31). В результате, как считает Г. С. Киселев, «концепция феодальной принадлежности доколониальных обществ Тропической Африки (во всех ее вариантах) представляется по меньшей мере не вполне обоснованной» (с. 37).

Однако задачей автора было не столько придирчиво подойти к анализу различных концепций, сколько разобраться в объективных причинах их появления. Так, критикуя указанных африканистов за чрезмерное завышение значения «внеэкономических», «личностных» факторов в общественном развитии доколониальных обществ, Г. С. Киселев показывает, что «такое смещение акцента на один из двух основных атрибутов феодальных отношений будет вполне понятно, если рассматривать его как реакцию на неправомерное преувеличение в течение длительного времени места узкоэкономических (производственных) отношений в феодальную эпоху» (с. 31). Подобная переоценка существовавших ранее взглядов резко обозначилась в 70-х годах в трудах ведущих историков, занимающихся странами Западной Европы и Востока. Однако, как правильно подмечает Г. С. Киселев, эти ученые не сводят суть феодальных отношений исключительно к «личностным». Выделяя, подчеркивая их, они «в действительности лишь обращают внимание на недифференцированность узкоэкономических отношений и отношений владения, а также идеологических представлений на разных этапах вторичной формации» (с. 32).

Такая недифференцированность производственных отношений особенно ярко выражена (как убедительно показал И. В. Следзевский на примере западноафриканской общины доколониального и колониального времени) в дуализме между парцелярным ведением хозяйства и общинным владением землей как выражением промежуточного характера этой общины, делающего ее как бы водоразделом между первичной и вторичной формациями (с. 43). И здесь, как представляется, автор рецензируемой книги полностью солидаризируется с И. В. Следзевским, развивая его мысль далее. Он склонен рассматривать эпоху перехода от общинно-родового строя к классовому в Африке «не столько в перспективе „ориентированной“ на феодализм, сколько непосредственно предшествующей ему, когда его элементы находятся уже в процессе формирования» (с. 36). Иначе говоря, автор считает, что на нынешнем уровне развития африканистики лучше не торопиться с окончательным выводом о формационной принадлежности доколониальных обществ Африканского континента, а повнимательнее присмотреться к специфике их развития (с. 36, 47).

Этому вопросу посвящена вторая глава монографии, где Г. С. Киселев пытается установить, каков был основной структурообразующий элемент совокупного социального организма. «Сделав это,— подчеркивает автор,— можно определить характер и структуру системы производительных сил изучаемого общества, а отсюда — и общественную форму его производительных сил» (с. 54).

Автор совершенно правомерно называет в качестве такого элемента общину, которая в доколониальных социумах Африки была господствующей общественной формой производительных сил. Подобный подход, как известно, методологически опирается на теоретическую разработку проблем общины К. Марксом, который в основу членения докапиталистических стадий всемирно-исторического процесса положил эволюцию именно общинной организации³.

Г. С. Киселеву удалось показать, как в 60—70-е годы советские историки, этнографы и философы успешно развили мысль К. Маркса и на конкретных примерах из истории народов Азии и Африки подтверждали его взгляд на земледельческую общину как на рубеж между первичной и вторичной формациями, как на общественную структуру промежуточного типа. По мнению автора, исследования Н. А. Бутинова, А. И. Першица, Л. В. и В. П. Даниловых, Ю. М. Кобищанова, Ю. Н. Семенова, И. Л. Андреева и др., позволили предположить, что община пред- и раннегосударственных обществ доколониальной Тропической Африки в типологическом отношении представляла собой земледельческую общину, социальный строй которой «мог породить антагонистическую форму социальной связи и в итоге переход ко вторичной формации». Но «историческая среда» той эпохи «не допустила здесь преобладания собственнического начала» над коллективистским (с. 65).

Изучая этот феномен, советские африканисты и востоковеды выбрали, как совершенно верно подчеркивает Г. С. Киселев, правильный путь. Прежде всего они постарались вычленив и определить тип производительных сил и отношения присвоения, которые были характерны для таких общин. При этом автор не стремится к противопоставлению точек зрения разных исследователей, но старается показать, как они взаимно дополняют друг друга с одной лишь целью — воссоздать более ясную и правдивую картину.

Говоря об оценке советскими африканистами особенностей классового образования и генезиса эксплуатации в рамках земледельческих общин, Г. С. Киселев подробно анализирует систему доказательств, выдвигаемую учеными, и предлагаемый ими фактический материал. Несмотря на сложность и обилие концепций, автору удалось преодолеть все трудности и выделить, на наш взгляд, наиболее верные и аргументированные из них, что дало ему возможность перейти к рассмотрению главного вопроса в советской историографии Африки, а именно проблемы формационной принадлежности доколониальных обществ континента.

И хотя, как указывает Г. С. Киселев, «в современной исторической науке уже вполне отчетливо осознана принципиальная специфичность эпохи, которая получила название раннеклассовой», попытки реконструировать определяющие черты обществ Тропической Африки, находящихся в процессе перехода ко вторичной формации, не всегда достаточно убедительны, прежде всего потому, что «они игнорируют саму суть изучаемой эпохи, уходящей своими корнями в первобытно-общинный строй» (с. 106). В первую очередь это касается вопроса о характере ранней эксплуатации. Все дело в том, полагает автор, что взгляды ряда востоковедов «не учитывают в должной мере момент прерывистости развития, движения, делающий малопродуктивной попытку умозрительно связать объект исследования с высшими формами социальной связи, известными для более развитых обществ» (с. 106).

Критикуя подобный подход, Г. С. Киселев пытается противопоставить ему свою точку зрения. Он указывает на «органически присущий докапиталистической стадии общественного развития диалектический характер переплетения, неразличности социального и экономического», что определяло социальную природу раннегосударственных африканских обществ и неразвитость отношений эксплуатации, еще полностью не вычленившихся из системы угнетения (с. 106—107).

Эта посылка, являющаяся диалектическим продолжением тех постулатов, которые неоднократно выдвигались К. Марксом и развивались рядом советских историков, нам представляется наиболее правильной.

Сопоставляя различные точки зрения на формационную природу доколониальных африканских обществ, Г. С. Киселев не решается примкнуть ни к одной из них. Это происходит не столько от излишней осторожности автора, сколько от того, что он считает преждевременным делать окончательные выводы. Г. С. Киселев видит слабость многих работ африканистов и востоковедов в том, что они «смешивают эмпирические и теоретические уровни осмысления» (с. 113). Автор полностью солидаризируется с выводами М. А. Барга и Е. Б. Черняка о том, что «без предварительного теоретического анализа исторического содержания категории „формация“ всякое внешнее „примеривание“ теоретических абстракций к конкретно-историческим условиям данного региона и данной эпохи неизбежно превращается в „накладывание“ некоего трафарета на живую действительность»⁴.

Плодотворное направление поиска отечественных ученых автор справедливо видит в системном подходе к формационному анализу. В последние годы, указывает Г. С. Киселев, в формационной теории появились принципиально новые моменты. Они «заключаются в оперировании категориями „укрупненной“ формационной схемы Маркса, с одной стороны, и в признании „неартикулированности“ стадийных форм в процессе складывания вторичной формации вне Европы — с другой» (с. 116).

Подытоживая весь проанализированный материал, Г. С. Киселев подчеркивает синкретическую природу раннеклассовых африканских обществ. Однако автор воздер-

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19; *их же*. Соч. Т. 46. Ч. 1.

⁴ Бург М. А., Черняк Е. Б. Исторические структуры и исторические законы. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979. С. 48.

живается от их более определенной характеристики, ограничиваясь констатацией того, что эти общества «в процессе перехода ко вторичной формации, если и дают, то лишь весьма косвенные данные о вероятном пути развития» (с. 119).

Рецензируемая работа — значительное событие в отечественной африканистике. Она заставляет задуматься и более серьезно подойти к ключевым вопросам теории и практики общественного развития не только обществ отдаленного прошлого, но и современных государств Африки.

Н. А. Ксенофонтова

V. C. r a p a n z a n o. *Waiting. The Whites of South Africa*. L., etc., 1985. 377 p.

Новая книга американского антрополога и литературоведа Винсента Крапанзано посвящена белому населению Южно-Африканской Республики. Ее автор в 1980 и 1981 гг. прожил несколько месяцев в небольшом поселке Виндаль (расположенном к северу от Кейптауна), взрослое население которого состоит всего из 2 тыс. человек — африканеров, англоафриканцев и южноафриканских евреев. Основное содержание книги составляет изложение, часто в форме живой разговорной речи, бесед, которые В. Крапанзано вел с 36 жителями деревни, а также некоторых его наблюдений над их нравами и привычками. Других методов, кроме метода «включенного наблюдения», американский антрополог в своей работе не использовал.

В предисловии автор отмечает, что его книга может быть названа романом в том широком определении, которое дал этому жанру известный русский советский литературовед М. М. Бахтин. Работа В. Крапанзано действительно написана живым образным языком, изобилует диалогической речью (разговоры жителей Виндаля, их рассказы о себе и своих близких явно подверглись значительной стилизации и авторскому редактированию) и читается как художественное произведение. Возможно, несколько условно ее жанр можно обозначить как «этнографический роман». Именно благодаря свободной, непринужденной форме изложения читателю становятся более понятны некоторые социально-психологические особенности южноафриканского белого населения.

Значительная часть жителей Виндаля — бывшие горожане: бизнесмены, инженеры, администраторы, ушедшие на покой и ставшие фермерами. Поэтому В. Крапанзано с некоторым основанием рассматривает население деревни как модель всей белой общины ЮАР, поскольку здесь представлены основные этнические, социальные и возрастные группы южноафриканских белых.

В книге В. Крапанзано белая община предстает как находящаяся в тревожном ожидании перемены — это подчеркивается и самим названием работы¹. Исследователь считает, что по отношению к южноафриканским белым — как к африканерам, так и к англоафриканцам (хотя и в меньшей степени) — можно говорить о возникновении особого «психологического апартеида». Последний характеризуется, по его мнению, как сознание своей исключительности, так и растущей апатией в общественно-политической жизни, что делает южноафриканских белых пассивным орудием правящих кругов ЮАР. Этот тезис Крапанзано нам представляется до некоторой степени спорным. Хотя белые жители ЮАР, живя в условиях действия законов апартеида, привыкли к своему привилегированному положению, они отнюдь не утратили интереса к политике и делают все, чтобы такое положение сохранить. Другое дело, что одни африканеры видят путь к этому в возрождении старого, классического апартеида 1940-х годов, а другие — умеренные сторонники правящей африканерской Националистической партии и большинство англоафриканцев — ищут решения на путях замены апартеида неким «многорасовым капитализмом»². Можно даже говорить об определенной активизации политической деятельности англоафриканцев, традиционно более пассивных в этом плане в последние годы, о чем свидетельствует высокая доля их участия в референдуме 1983 г. по вопросу о новой конституции³.

Более бесспорен другой вывод американского антрополога — о росте среди белой общины Виндаля и, вероятно, ЮАР в целом так называемой *laager psychologie* — «психологии осажденного лагеря». Это выражается в растущем страхе белых перед будущим приходом к власти черного большинства и одновременной решимости бороться до конца за сохранение своих привилегий — «спина к спине», как некогда сражались буры против англичан, огородившись фургонами. Возможно, такие настроения особенно сильны среди сельской, наиболее консервативной части белого населения, которая и является непосредственным объектом наблюдения американского антрополога.

В. Крапанзано, не приемлющему апартеид и бесправие небелых жителей ЮАР с позиций буржуазного либерализма, странно было слышать рассуждения некоторых, по местным стандартам «умеренно настроенных», белых. Вот, например, мнение об африканцах Хенини — англиканского пастора африканерского происхождения, женатого на англоафриканке и во многом воспринявшего мировоззрение англоафриканской общины: «Когда африканцы и их вождь Дингаан были разгромлены в 1838 г., они знали только, что жить можно лишь с помощью силы. Когда они лишились силы, то превратились в кроликов. Только когда правительство создало апартеид и стало проводить политику бантустанизации, африканцы обрели самосознание... Внезапно цветной осознал, что он цветной, тогда как раньше не обладал самосознанием. Внезапно зулус осознал, что он

¹ *Waiting* — по-английски «ожидание».

² См., например: *Lipton M. Capitalism and Apartheid. South Africa 1910—1984*. Aldershot, 1985.

³ См.: *The Star. Johannesburg*, 4. XI.1983.